

Глава 14. Чу Вэй, мастер актёрской игры

Рыба, приготовленная Цин Нином на пару, удалась на славу. Орудя ножом так филигранно, словно он затачивал карандаш, юноша сделал на тушке несколько глубоких надрезов, после чего полчаса мариновал её в имбире, соли, кулинарном вине и зелёном луке. Перед тем как отправить блюдо в пароварку, он тщательно стряхнул всё лишнее. Соус из уксуса, соевого масла и жгучего перца чили получился освежающим и вызывающе острым — идеальное дополнение к нежному мясу.

По крайней мере, сам Цин Нин считал именно так.

К концу трапезы оба сидели, обливаясь потом. Цин Нин то и дело судорожно втягивал воздух сквозь зубы, а Чу Вэй, хоть и старался сохранять невозмутимость, выдавал себя припухшими, покрасневшими губами. Соус оказался поистине термоядерным.

— С-с... вкусно? — выпалил Цин Нин, высунув кончик обожжённого языка, но всё же нашёл в себе силы поинтересоваться мнением мужа.

Чу Вэй сдержанно кивнул:

— Да, очень.

В голове раздался голос Трит:

— У молодого господина отличное настроение, хотя на самом деле он почти не переносит острое.

Цин Нин мельком взглянул на лицо партнёра и изумился: «Если ему так печёт, как он умудряется оставаться настолько спокойным?»

— Настроение-то улучшилось, — продолжал причитать Трит, — но баллы доверия всё ещё стоят на месте!

Цин Нин не удостоил его ответом — сейчас его волновал только пожар во рту. Он поднялся, налил два стакана горячей воды и, протянув один Чу Вэю, свой осушил залпом. Под двойным воздействием кипятка и чили у него на глаза навернулись слёзы, но спустя полминуты жжение в горле чудесным образом начало отступать.

Метод «клин клином» сработал безупречно.

«Клин клином... хм-м...»

Трит не унимался:

— Хозяин, баллы доверия не изменились!

«Заткнись. Не мешай мне переходить к плану „Б“», — мысленно отрезал Цин Нин.

Он придвинулся ближе и вкрадчиво взял Чу Вэя под руку, заглядывая ему в глаза с самым преданным видом:

— Слушай... может, нам и правда стоит начать подготовку к рождению ребёнка?

Как говорится, «всё готово, не хватает лишь восточного ветра». Если подготовить все условия, а «ветер» так и не подует, это станет лучшим доказательством того, что дуть он в принципе не умеет. Чтобы убедить Чу Вэя в своей неспособности забеременеть, нужно просто создать идеальную обстановку и активно во всём участвовать. Тогда он точно перестанет подозревать его в нежелании иметь детей!

Чу Вэй в изумлении уставился на него, долго не находя слов. Зато Трит довольно затараторил:

— Хозяин, а это блестящий ход! Пусть молодой господин сам убедится в реальности фактов.

— Жена, ты правда согласен? — Чу Вэй поднял руку и ласково привлек его к себе, положив подбородок на макушку юноши. — На самом деле я не хотел принуждать тебя к тому, что тебе не нравится, но родители... Ты и сам всё видел.

— Я понимаю. Не волнуйся, я вовсе не против, — голос Цин Нина, уткнувшегося лицом в чужую грудь, звучал глухо.

Он и раньше догадывался, почему Чу Вэй так заиклен на идее мужской беременности. Теперь же истина окончательно всплыла на поверхность: скорее всего, всё дело в родителях, которые жаждали наследника его крови.

— Тогда я распоряжусь, чтобы всё подготовили. Тебе тоже нужно настроиться, милый, — Чу Вэй легонько сжал его затылок и поднялся, чтобы сделать звонок.

Цин Нин закрыл лицо руками. Он, мужчина, только что предложил другому мужчине обрюхатить себя! Даже зная, что это невозможно, он чувствовал, как его захлёстывает жгучий стыд. Стыд и позор в одном флаконе!

Когда Чу Вэй вернулся, Цин Нин уже взял себя в руки. Опершись подбородком на ладонь, он лениво спросил:

— Ну, что там говорят?

— Нужно регулярно тренироваться, правильно питаться, соблюдать режим дня и всё в таком духе. Ничего сложного, — Чу Вэй взъерошил его волосы, не в силах скрыть довольную улыбку.

Цин Нин перехватил его руку и недовольно проворчал:

— Слышал? Режим дня! Чтобы больше никаких ночных посиделок допоздна, понял?

Чу Вэй потёр кончик носа:

— Но ведь ночные посиделки — это самая важная часть процесса. Тут придётся потрудиться с особым усердием.

Цин Нин одарил его взглядом в духе «как ты смеешь мне возражать?!», но было ясно, что этот пункт Чу Вэй менять не намерен. Положив телефон на стол, тот открыл изображение:

— Супруга, посмотри, что будем есть завтра. Правильный рацион крайне важен. С завтрашнего дня еду будет готовить приглашённый повар.

Цин Нин присмотрелся. В меню на завтра значились курица, рыба, фрукты и овощи. Внизу приписка: ограничить сладкое и солёное, кофе под строгим запретом.

Бог знает, для кого составлялась эта диета — для мужчин или для женщин, но Цин Нин, скрепя сердце, выбрал пару позиций:

— Рыбу мы ели сегодня, так что завтра давай курицу. Яблоки я не очень люблю, лучше купи драконий фрукт и клубнику.

Чу Вэй послушно отметил пожелания и отправил их повару.

— А ещё для подготовки нужно пройти медосмотр. Когда ты свободен?

— Давай в выходные. Я не могу пропускать работу, в лаборатории сейчас важный этап, — Цин Нин заметно помрачнел. Хоть он и сам предложил этот план, на душе было муторно. Неизвестно ещё, как его будут проверять — как мужчину или как женщину, и не покажет ли обследование какое-нибудь постыдное бесплодие.

Закончив с обсуждением, Цин Нин отправился в ванную. Стоило ему погрузиться в тёплую воду, как чувство реальности начало возвращаться. Идея «двух мужчин, готовящихся к зачатию», казалась верхом безумия.

Когда он вышел, Чу Вэй переоделся в спальне. Заметив, что Цин Нин даже не вытер голову, он достал из шкафчика фен:

— Милый, почему ты не сушишь волосы?

Его природные кудряшки за несколько недель изрядно отросли и теперь смешно пушились. Цин Нин небрежно пригладил их рукой:

— У мужчин волосы короткие, сами высохнут.

Чу Вэй лишь снисходительно улыбнулся и поманил его к себе:

— Иди сюда, я сам высушу.

Цин Нин неопределённо хмыкнул и, взяв телефон, не спеша уселся перед ним. Пока он листал ленту новостей, Чу Вэй сосредоточенно орудовал жужжащим феном.

Шея юноши, открывшаяся при наклоне головы, казалась ослепительно белой и нежной, точно кусок отборного яшмового камня. При взгляде на эту безупречную кожу, невозможно было подавить желание прикоснуться к ней.

— Эй, руки холодные! — Цин Нин возмущённо обернулся. — Ты чего за шиворот лезешь?

Волосы были почти сухими. Чу Вэй обошёл кресло и опустился перед ним на корточки. Глядя на мужа снизу вверх, он негромко произнёс:

— Супруга, мы ведь готовимся к рождению ребёнка, забыл?

— И? — Цин Нин не видел связи между медосмотром и этим странным поведением.

— Меньше телефона, больше дела, — Чу Вэй отложил гаджет в сторону, властно притянул Цин Нина за затылок к себе и, подавшись вперёд, накрыл его губы поцелуем.

В интимных делах Цин Нин всегда привык быть ведомым, но такая внезапная смена ролей, когда он оказался буквально над партнёром, неожиданно раззадорила его. «Ладно, — подумал он, — в конце концов, мы тут „ребёнком“ занимаемся».

Он обхватил Чу Вэя за талию и, соскользнув с кресла, устроился у него на бёдрах. Чу Вэй провел ладонью от затылка вдоль позвоночника к самому копчику и одним уверенным движением подхватил юношу на руки.

— Ты так сладко пахнешь, — прошептал Чу Вэй.

Цин Нин, уже прижатый к кровати, прерывисто выдохнул, пытаясь сохранить остатки достоинства:

— Это запах моих гормонов!

Чу Вэй со смехом согласился, и на этом силы Цин Нина на остроумные пикировки иссякли. Почему-то в таких делах тот, кто меньше всего трудится, устаёт гораздо сильнее.

Поскольку Цин Нину завтра нужно было на работу, а «режим дня» входил в список обязательных условий подготовки, Чу Вэй не стал усердствовать и вскоре оставил его в покое. Утром Цин Нин проснулся и обнаружил, что Чу Вэй уже не спит: подперев голову рукой, он с улыбкой наблюдал за его пробуждением.

Юноша сонно протёр глаза и услышал мягкое:

— С добрым утром, супруга.

Будучи патологической «совой», Цин Нин зарылся лицом в подушку и глухо отозвался:

— Утро добрым не бывает.

— Всё ещё хочешь спать? — Чу Вэй осторожно убрал с его лица выбившиеся пряди и поправил подушку, чтобы тот не задохнулся. — Можешь полежать ещё десять минут, я разбужу.

— Угу... — Цин Нин издал невнятный звук, и Чу Вэй, бросив взгляд на будильник, начал отсчёт.

Спустя десять минут Цин Нин окончательно проснулся от того, что всё его лицо было буквально «зацеловано».

— Я же ещё не умывался, фу, — поморщился он, вытирая щёку.

— А мне всё равно, — Чу Вэй ничуть не смутился, с весёлым блеском в глазах глядя на его напускное недовольство. — Давай, вставай быстрее, завтрак уже на столе.

Когда они вышли в столовую, повара уже не было. На столе дымилась каша и стояло несколько тарелок с закусками. Уровень исполнения явно на несколько порядков превосходил кулинарные изыски Чу Вэя.

В густую, идеально разваренную кашу добавили креветки и ломтики рыбного филе — вкус был

нежным и насыщенным. В качестве закуски подали нечто вроде молодых побегов рапса: их явно лишь слегка ошпарили кипятком и полили соусом. Цин Нин не знал точно, что это за растение, но оно было удивительно вкусным и приятно хрустело на зубах.

Заметив, что в этот раз его «супруга» ест с гораздо большим аппетитом, чем обычно, Чу Вэй недовольно надулся и пробурчал:

— Подумаешь, креветки в кашу добавили. Я тоже так умею!

Цин Нин, видя его праведное негодование, не выдержал и прыснул со смеху:

— Да не злись ты! У тебя тоже получается вкусно, просто у тётушки... ну, чуть профессиональнее.

Чу Вэй хмыкнул и промолчал. Подобное утешение звучало скорее как приговор.

После завтрака Цин Нин в прекрасном расположении духа устроился на пассажирском сиденье. Чу Вэй задержался в доме, собирая ему с собой фрукты. Трит, молчавший с семи утра, наконец подал голос:

[Доброе утро, Хозяин. Вчера вы проявили завидное рвение и усердие. Баллы доверия молодого господина выросли на одно деление. Текущий статус: 8 делений.]

Услышав это, Цин Нин окончательно просиял. Когда Чу Вэй сел в машину с пакетом фруктов, юноша подался вперёд и звонко чмокнул его в щёку.

— Люблю тебя! — выпалил он, сверкнув маленьким клыком.

«С такими-то „сахарными бомбами“ и планом подготовки к детям я доберусь до максимума в два счета!» — ликовал он про себя.

— И я тебя люблю, — Чу Вэй захлопал ресницами, изображая полное непонимание, с чего бы это муж стал таким нежным, а сам подумал: «Как же он мил, когда думает, что так легко меня окрутил».

Он решил, что Цин Нин просто делает это назло его родителям, желая показать им, что Чу Вэй от него никуда не денется.